

СУДЬБА АДАМА

Судьба прокладывает путь по личной жизни человека.

Я, гражданин Федеративной Республики Германии, Адам Иванович Руль, бывший советский немец, родился на Украине 20 декабря 1930 года в городе Константиновка Сталинской области, нынче это Донецк.

Отец мой Иоганес, по-русски его звали Иван, родился на Волге в 1907 году в Саратовской области в селе Кейлер, недалеко от Камышино. Мать — Екатерина Ивановна — родилась в том же году, в этом же селе. В семье было четверо детей: одна дочка (умерла в младенчестве) и три сына: Иоганес, я — Адам, и Петер.

Из родных мест родителям пришлось рано уехать, потому что на Волге обострённо полыхала классовая борьба, шла продразвёрстка, были голод и гонения на инакомыслящих. Мужчины боялись засыпать в своём доме и спали на сеновале, в сарае или во дворе, чтобы в случае появления непрошенных ночных гостей можно было незаметно исчезнуть в темноте.

На новом месте отец работал на хлебопекарне возчиком. На лошадях развозил хлеб по торговым точкам. За это ему ежедневно вместо зарплаты выдавали одну буханку хлеба. Однажды в городе он встретил свою голодную сестру и отдал ей заработанную буханку. Это увидела одна женщина, которая решила, что отец ворует у государства хлеб, и заявила в милицию, на что те быстро оформили дело и передали в прокуратуру.

Отца приговорили к трём годам тюремного заключения. Ужасные условия для заключённых и это несправедливое наказание не давали ему покоя. Он совершил из тюрьмы побег, за который был добавлен срок — ещё два года, с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях Дальнего Востока.

В 1940 году он вернулся домой, мать его еле узнала — кожа да кости. Мама старалась его откормить, поставить на ноги. Бывало, он сядет за стол, покушает и молча плачет. Перепало ему, видно, там, с горочкой. На работу он устроился в горпромхоз грузчиком. Вскоре началась война. Отца забрали в трудармию на Урал, в Нижний Тагил Свердловской области. Моя мать с тремя детьми опять осталась одна.

В октябре 1941 года нам сообщили, что всех немцев будут выселять. Мы должны были в течение 24 часов подготовиться к высылке. На другой день всех людей в одночасье выбили из насиженных мест, как скот, загнали в товарные вагоны, в которых раньше перевозили скотину, и с рёвом отправили в неизвестность. Всё было брошено как во время пожара. Взять с собой разрешили только то, что можно было надеть на себя и унести в руках. Не немцы — соседи, со страхом смотрели на кошмар из-за завешанных шторам окон. Было холодно, морозы к этому времени доходили уже до минус 15 градусов.

На станции Пухово, примерно в двухстах километрах от родного дома, была первая стоянка поезда. Был солнечный день, народ высыпал из вагонов, стал разводить костры и готовить себе обед, но вдруг в небе появились немецкие самолёты и начали бомбить. От страха волосы вставали дыбом, от грохота лопались ушные перепонки. Земля тоннами улетала в чёрное небо, вокруг всё горело: деревья, дома, вагоны. Всюду огонь, дым, паника, окровавленные части человеческих тел, стоны, грязь, хаос. Слабонервные от увиденного теряли сознание. Страшная война сразу показала своё ужасное лицо. В этой бомбежке погибло около 500 человек наших российских немцев.

Пока эшелон дошёл до места назначения, а это длилось примерно один месяц, нас ещё не раз настигал немецкий самолёт. После каждой бомбёжки люди с плачем хоронили погибших, где придётся. Железнодорожные рабочие день и ночь восстанавливали пути сообщения, так как рельсы были искорёжены, насыпь разбита. В ожидании проходило несколько суток, а народ в холоде и в голоде страдал. Многие простудились, заболели и умерли. Особенно вымирили старики и дети. Тогда я понял, что самое дорогое в жизни человека — его последний вздох.

Под перестук колёс живые оплакивали мёртвых. На пустынных разъездах охрана позволяла выгружать из вагонов трупы. В дверной проём вагона закидывали несколько буханок непропечённой черняшки и ставили на пол пару вёдер холодной сырой воды. После этого раздвижную вагонную дверь запирали снаружи.

Моя мать, с девятимесячным ребёнком на руках, приложила все усилия, чтобы сохранить ему жизнь, но не смогла. Петер получил дизентерию, сильную простуду и умер. На одной из станций мать отдала ребёнка охране, чтобы те похоронили, и, опухшая от слёз, вернулась в вагон. Мать была очень религиозная католичка, не выпускала из рук свою любимую христианскую книгу «Лебен ляйде». Библии у всех изъяли. Она научила нас молитве «Отче наш», и мы все свои проблемы, со слезами на глазах, усердно рассказывали Богу на нашем родном немецком языке.

6 октября 1941 мы оказались в Казахстане, на будущем атомном полигоне, под Семипалатинском, откуда нас в трюмах барж по Иртышу доставили в Майский район Павлодарской

области. Половина ссыльных не доехала до места назначения. Добравшихся пересадили на сани, запряжённые волами, и повезли к месту нашей постоянной ссылки, в колхоз Кызыл-Энбек.

Поселили нас в заброшенные саманные хибары, где раньше от непогоды укрывались овцы. Кошарни были без окон, без дверей – полна горница людей. Засучив рукава, женщины, старики и дети стали обустройства жильё так, чтобы можно было бы перезимовать и не замерзнуть. Всю зиму нас кормили только одним просом.

Весной стали организовывать полеводческие бригады. Моя мать и старший брат Иоганес, которому уже было 14 лет, попали в одну бригаду. Они пахали на волах, а я с малолетками ходил с торбой по полям и собирал прошлогодние колоски. С пяти лет научился варить кашу и, когда взрослые приходили с работы, на столе их ждал горячий ужин.

Когда мне исполнилось 12 лет, меня тоже стали привлекать к колхозной работе, но тут моя мать стала за меня заступаться, доказывала, что я ещё ребёнок и мне рано работать. Вскоре вышел указ о том, что немецкие дети имеют право на обучение в казахских школах.

В школу я пошёл сразу в 4 класс, так как три класса уже закончил на Украине. Учебный год окончил с отличием и поэтому был принят в интернат.

Попав в интернат, я почувствовал себя как в раю. У меня была своя койка. Нам сразу бесплатно выдали новую школьную форму. Досыта кормили разными кашами, иногда даже давали конфеты к чаю. В интернате все уроки шли на казахском языке, и я научился хорошо говорить по-казахски, а русским владею как родным. Хоть в образовании нас немцев нещадно ограничивали, но тремя языками в совершенстве не каждый выпускник ВУЗа может похвастаться, а мы были ещё детьми, и таких как я было много.

В 1943 году нам сообщили страшную весть о том, что нашего отца и его младшего брата, тоже Адама, в трудармии расстреляли за то, что они там заступились за одного парня, которого избивал солдат. Мать моя в 36 лет осталась вдовой. Эту весть нам привёз один наш знакомый, который приехал из трудармии на похороны своей жены. Истинную причину смерти нашего отца и его брата мы до сих пор не знаем, а всю жизнь так хотелось узнать все мельчайшие подробности.

В 1944 году нашу мать забрали в трудармию. Мой старший брат стал инвалидом и с плачем долго преследовал повозку, а я молча бежал рядом. Наконец извозчик сжалился, остановился и усадил меня и брата на повозку рядом с мамой. Так мы попали в город Павлодар. Затем нас отправили в город Темиртау, это в 60 километрах от Караганды. Везли под конвоем, как заключённых. В Темиртау всех распределили по палаткам и на следующий день оформили на работу. Из нашей местности прибыло три немецкие семьи, и нас, пацанов, сразу определили учениками плотника.

В один из дней вновь прибывших немцев вызвали в комендатуру. Комендант Деревягин – грубый, не очень приветливый человек, – начал расспрашивать, есть ли у нас разрешение на выезд за пределы той области, куда нас выслали на вечные времена. На что мы ответили, что нас никто ни с каким решением не знакомил. Все делалось под руководством милиции, и сюда нас доставили под вооружённым конвоем.

Комендант тут же выписал распоряжение, вручил его нам и разгневанно приказал в течение 24 часов покинуть город и возвратиться к прежнему месту проживания. На следующий день мы пешком отправились в дорогу.

До Караганды мы шли два дня. На железнодорожном вокзале приобрели билеты и отправились в Павлодар. В Павлодаре жила тетя Роза, старшая сестра моей матери, которая нас приютила и обогрела. Моя мать сразу кинулась на поиски работы, но, к сожалению, без прописки её никто не брал. Мы понимали, что наша тетя, имея своих четверых детей, воспитывая их одна, без мужа, не в состоянии и не обязана нас кормить.

Мы собрались идти обратно туда, куда нас определили на поселение. Это было в 250 километрах от Павлодара. Была весна. Иртыш шириной с полкилометра ещё стоял подо льдом, но талые воды уже текли сверху. Чтобы перейти на ту сторону нам пришлось раздеться и босиком, рискуя провалиться, в ледяной воде, мы перешли вброд на ту сторону. На берегу насухо вытерлись, оделись и побежали, пока не согрелись окончательно. Дорогу до села мы преодолели за 12 дней. В день мы в среднем проходили до 20 километров. По дороге собирали дровишки, чтобы можно было бы вечером разжечь костёр, но разве много дров на себе унесёшь, если сам еле ноги переставляешь. Две недели по ночам клацали зубами от холода, ночевали под открытым небом, так как немцев никто не пускал переночевать к себе домой.

Прибыв в село Майск, мы в первую очередь отметились в органах НКВД, после чего приходилось ежедневно там отмечаться, пока нас не определили. Жильё нашли у одной старой вдовы, Эмили Гофман, которая нас приютила.

Добрый старый председатель колхоза Кызыл-Энбек товарищ Жеманготов ушёл на пенсию, а новый, тоже казах, узнав о том, что мы вернулись, стал обивать пороги НКВД, добиваясь нашего возвращения в колхоз. Он нас постоянно запугивал и грозился найти на нас управу. Мой старший брат тихо говорил мне, что готов на любую работу, но в колхозное рабство обратно не вернётся. Мы не хотели возвращаться в колхоз и просили работу в районном центре, т.е. в селе Майск.

Начальник НКВД оказался добрейшим человеком и помог нам с устройством на работу. Он договорился с начальником рудоуправления, и на следующий день нас уже оформили на работу. Работа была тяжёлая, но мы ей были рады и бесконечно благодарны начальнику НКВД Кудайбергенову.

Жили мы в землянке на пятнадцати квадратных метрах, три семьи. За хорошую работу нам вскоре выделили общежитие, а затем дали жильё в двухквартирном стандартном финском домике. Работа была физически очень тяжёлая. Мы грузили руду. Кроме того, в течение целого рабочего дня мы должны были поднимать вагонетки, которые постоянно сходили с рельс, а мне было всего 17 лет. Через некоторое время я понял, что долго на такой работе не выдержу и очень скоро тоже могу стать инвалидом. Я стал подумывать о том, что для того, чтоб сохранить здоровье, надо осваивать другую профессию.

В 1952 году к нам в село приехал преподаватель по автоделу, который набирал курсантов на курсы водителей 3 класса. Я сразу записался и, отучившись 6 месяцев, успешно сдал экзамены, приобрёл профессию водителя 3 класса. После этого проработал там шофёром два года. Друзья шутили: смотрите, Адам Руль сел за руль!

Когда в 1955 году отменили комендатуру, все немцы старались куда-нибудь уехать из мест подневольной ссылки. Долго не думая, мы тоже уехали жить в город Павлодар, где вновь всё начали с нуля.

В то время нас так воспитывали, что в жёны мы должны были брать только немку, и мне пришлось ехать в дальние края к знакомым. Из Тюмени привёз я себе жену из наших. Лида устроилась на стройку маляром, родились дети, Мария и Виктор.

Мы начали строиться. Я работал шофёром на почте, затем перешёл в областное управление сельского хозяйства, возил начальника, потом меня взяли в обкомовский гараж, возил Моргуна – второго секретаря обкома. Но, как говорится, служить бы рад, прислуживаться тошно. Там надо было быть слугой и нянькой. Днём возить начальника, его родню, друзей, вечером развозить по домам партийных собутельников, утром – детей в школу, тещу на базар. Потом надо было в качестве носильщика сопровождать по магазинам его жену, которая по благу закупалась всегда с чёрного входа, а мы, простые люди, только с парадного. Охота, рыбалка, разные мероприятия, от зари до зари был на службе. Уходил на работу рано, приходил поздно, бывало, работал без выходных, и мне, и жене это надоело.

Я уволился с работы и поступил на курсы в торговлю, потом устроился в ресторан барменом, а затем переучился на продавца мясного отдела и спокойно проработал там до самой пенсии. Мы с женой прожили вместе 36 лет, но она на малярной работе имела дело с красками, с ацетоном и растворителями, там она заработала болезнь лёгких и после продолжительной болезни в 1995 году переселилась в царство небесное. Я через год с дочерью и внуком переехал в Германию, а сын так и застрял в России. Муж дочери, белорус, переезжать отказался, семья распалась. У сына жена – хохлушка, сама ушла, когда у него инсульт случился. Теперь он на инвалидности, живёт один, перебивается как может, но к нам его не пускают. Воссоединение семьи больше не происходит, ворота в Германию крепко закрыты на замок "шпрах теста" Старость наступила, а покоя нет.

Как-то в разговоре собеседники меня поддели, мол, первого Адама из рая выселили за то, что он запрет нарушил, жену в этом не пресек, а наоборот – был даже её соучастником в совершении греха. Вроде как виноват был. А тебя за что выселили из родных мест? Ты вроде бы закон не нарушал, против власти не шёл, врагу не пособничал, за что проклят был? Без вины виноватый на каторге оказался? За что жизнь покалечили, детства, юности лишили, здоровье отобрали, в старости с детьми разлучили? ЗА ЧТО???

Вот и получается, что совесть у советских немцев как стекло: и чистая, и прозрачная, и блестит. А судьба у всех разбита вдребезги, и справедливость восстановить нет никакой возможности. Всё равно спасибо никто не скажет, а за причинённые убытки, лишения и моральный ущерб компенсации не предвидится. Прощения власти не попросят, ни с той, ни с этой стороны.

Да! Перепало нам тогда со всех сторон, за всех и ото всех. Немцы бомбили, красные давили, да и сейчас тут всех перекрасили, там страдали за немцев, здесь – за русских. Там были фашистами, здесь стали «Ди Руссе!» Мы здесь – дети там. Всю жизнь тяжело работали, лишь полпенсии заработали. Старейшинам нашего народа узаконили нищенское существование. Как родились с плачем, мокрые, голые и голодные, так и жизнь прожили, ничего не нажили. За что нам такая доля??? Греха-то на нас НЕТ!!!

Вот и получается, что местным фортуна улыбается, а над нами смеётся.

Адам тяжело вздохнул, и я почувствовал в его голосе всю тяжесть его воспоминаний.

– Тяжело вспоминать, но надо! – сказал он.

– Надо, чтобы дети и внуки знали, какое у нас было детство и как трудно мы прожили свою жизнь.

Это хорошо, что в печати вы задумали такую замечательную рубрику «Воспоминания». Вот я с Вашей помощью снова окунулся в своё прошлое, словно ещё раз свою жизнь прожил. Ну ладно, об этом!

На сегодня, пожалуй, всё! Чус!

– Спасибо за звонок! – успел я поблагодарить Адама, прежде чем в трубке раздались телефонные гудки.

Райнгольд шульц.